

резкие этнодемографические перемены, бурные преобразования во всех сферах традиционной культуры, приводившие к изменению этнического облика народов, межнациональные отношения были напряженными, а процессы интеграции и ассимиляции шли под сильным прессом государственной власти. Однако поскольку о конечном результате — переходе в новое этническое состояние — можно судить по этническому самосознанию, а нам трудно характеризовать его, так как, во-первых, нет достаточного количества данных, а, во-вторых, те, что имеются, могут исказить истинную картину ввиду той же этнической мимикрии. Как отмечал французский исследователь Ж. Пуваччи, «степень ассимиляции иностранцев с основным (кхмерским) населением зависела... и от того, удавалось ли им избежать дискриминации... в профессиональной сфере».

Погружаясь вместе с автором книги в размышления о перипетиях судеб народов Камбоджи, задаешься вопросом, правомерно ли исследование этнических процессов в период социальных и этнических катаклизмов. Мне представляется, что в такие периоды накапливается определенная сумма факторов, способных влиять на ход этнических процессов в дальнейшем, когда рассеивается националистический угар, положение народов нормализуется, и страх перед репрессиями со стороны государственной машины перестает довлеть над человеческим сознанием и над этническим самосознанием как его частью. Возникновение новых направлений в течении этнических процессов или развитие их в прежнем русле, но с неизменной интенсивностью будет следствием пережитого в годы стрессовой этнической ситуации (если это можно отделить от результата политики в новых условиях).

Сделанные замечания отнюдь не означают умаления заслуг автора, они скорее объясняются жанром книги — не привычным для нас кабинетного исследования, а исследованием-репортажем, анализирующего наблюдаемый объект (межэтнические отношения и этнические процессы) с очень близкого расстояния и фиксирующего их в состоянии, еще не упорядоченном аналитической мыслью исследователя. Книга И. Г. Косикова, сочетающая в себе достоинства глубокого анализа этнодемографических процессов в Камбоджи с интонацией страстной публицистичности, заслуживает самой высокой оценки и является значительным вкладом в корпус исследований советских ученых по этнографии Юго-Восточной Азии.

Е. В. Иванова

© 1990 г.

V. M. C. Groenendaal van. *Wayang Theatre in Indonesia. An Annotated Bibliography.* Dordrecht (Holland), 1987. 221 p.

Индонезийский театр (*вайянг*) более двух столетий привлекает внимание исследователей. Пожалуй, нет другого восточного театра, который мог бы с ним сравниться количеством посвященных ему работ. Неиссякаемый интерес к вайяngu обусловлен не столько его высокими художественными достоинствами, сколько его важной ролью в традиционном обществе Явы и Бали, его тесной и до сих пор живой связью с религией. Главный вклад в изучение вайянга внесли голландские ученые; они положили начало систематическому описанию яванских театральных представлений, плодотворно продолжают заниматься его исследованиями и поныне. В XX в. к ним присоединились местные специалисты, участие которых в исследованиях вайянга все возрастает. После второй мировой войны появился ряд серьезных работ, принадлежащих этнографам других стран, но на сегодняшний день основное «ядро» литературы о вайянге составляют труды голландских и индонезийских авторов.

Ко многим фундаментальным работам по вайяngu прилагались длинные списки использованной литературы. С годами, естественно, они становились все обширней, однако до самого последнего времени отдельной сводной библиографии опубликовано не было. Этот пробел в научном исследовательском аппарате ощущался, вероятно, всеми, кто, не будучи узким специалистом по вайяngu, так или иначе соприкасался в своей работе с индонезийским театром. Необходимость в такого рода пособии становилась все очевидней. И вот, наконец, в 1987 г., под эгидой Лейденского института языка, этнографии и народного искусства, такая книга вышла в свет. Ее автор, В. М. К. ван Грунendaаль (р. в 1935 г.), изучала этнографию и яванский язык в университетах Голландии, в 1976—1978 гг. собирала полевой материал на Яве, в 1982 г. защитила диссертацию на тему о роли яванских далангов (исполнителей представлений) в явано-индонезийском обществе (диссертация опубликована на английском языке в 1985 г.¹). В ходе подготовки диссертации и была составлена названная библиография. В ее основе лежит литература библиотеки Лейденского института, частично дополненная изданиями, найденными автором на Яве.

В библиографию вошло 564 названия, охватывающие период с 1779 по 1983 г. включительно. Это монографии, статьи (за исключением газетных), каталоги, доклады. Аннотации переведены на английский язык. В вводной части ван Грунendaаль перечисляет разновидности вайянга, сопровождая их краткими определениями, дает краткий обзор литературы, в которой она выделяет три этапа: 1) до 1900 г.; 2) 1900—1945 гг.; 3) 1945—1983 гг. Заключают библиографию ценные справочные материалы: словарь терминов, указатели фамилий исследователей, персонажей вайянга, пьес и сюжетов вайянга.

Библиография ван Грунendaаль, бесспорно, послужит полезным пособием для всех, кто приступает к изучению индонезийского театра, пособием, позволяющим ориентироваться, не тратя лишнего времени, в огромной литературе по вайяngu.

Единственно, о чем приходится сожалеть, это об ограничениях темы и базы библиографического описания. Тематически библиография ограничена театром Явы и Бали, а главным ее источником, как уже упоминалось, послужила литература библиотеки Лейденского института языка, этнографии и народного искусства. В результате, в нее не вошли работы, не попавшие в библиотеку Лейденского института, например отсутствуют некоторые каталоги, содержащие разделы по ваянгу², ряд работ неголландских авторов, в частности советских (Л. Мерварт, В. Трутовского, С. Кузнецовой, И. Соломоник и др.³). Сам автор библиографии признает, что сунданский и балийский театры освещены в ней слабее центральнояванского, отмечает, что в описание не включены работы на балийском и древнеяванском языках. К досадным опечаткам относится ошибка в фамилии автора каталога Берлинского музея народного искусства (№ 171): вместо Хёпфнер напечатано Хёппнер. Жаль, что не всегда указаны издания переводов на другие, как правило, более доступные для неспециалистов по ваянгу языки. Желателен был бы также указатель литературы по видам театра.

Но ни одна библиография не может быть в силу объективных и субъективных причин исчерпывающей и совершенно безупречной — по крайней мере до сих пор такого не случалось. И все эти мелкие замечания не умаляют большой ценности и полезности серьезной обобщающей работы ван Грунделла. Несомненно, библиография послужит необходимым пособием для многих, связанных своей профессией с яванским и балийским театром, она облегчит поиски нужного источника, а кроме того, даст представление о литературе, посвященной ваянгу, хранящейся в библиотеке Лейденского института языка, этнографии и народного искусства.

И. Н. Соломоник

Примечания

¹ Groenendaal V. M. C. van. The Dalang Behind the Wayang; The Role of the Surakarta and the Yogyakarta Dalang in Indonesian-Javanese Society. Dordrecht: 1985. XI + 242 p. Photographs, Maps, Appendices, Bibliography, Index (KITLV, Verhandeligen 114.).

² Asian Puppets Wall of the World (Catalogue of an Exhibition Presented by the UCLA Museum of Cultural History). Los Angeles, 1976; Figur und Spiel im Puppentheater der Welt (Bildband. Leitung / Deszö Szilágyi). B., 1977. Java und Bali (Katalog. Katalog Gesamtedition: Margrit Thomsen). Mainz am Rhein, 1980; etc.

³ Работы на русском языке, посвященные ваянгу, перечислены в библиографии, приложенной к монографии И. Н. Соломоник «Традиционный театр кукол Востока». М., 1983.

© 1990 г.

Kho Song moo. Koreans in Soviet Central Asia. Helsinki. 1987. 262 p.

Рецензируемая монография «Корейцы советской Центральной Азии» профессора Хельсинского университета, доктора Ко Сонму посвящена исследованию широкого комплекса вопросов истории, культуры и языка советских корейцев. Ценность рецензируемой работы прежде всего в добросовестном анализе историкокультурного развития конкретной исторической общности нашего многонационального государства — советских корейцев, проживающих в настоящий момент в своей основной массе в республиках Средней Азии, прежде всего в Узбекской ССР: в 1979 г. — 163 тыс. (42% от общей численности в СССР) и Казахстане (92 тыс. — 23,6%).

В отличие от других зарубежных исследователей Ко Сонму широко использует советские источники и прежде всего материалы, опубликованные в «Ленин кичи» («Ленинское знамя») — межреспубликанской газете на корейском языке. Широко использовал ученый и научные труды таких советских ученых, как Ким Сын Хва, Р. Ш. Джарылгасинова, Ю. В. Ионова, О. М. Ким и других.

К сожалению, автор рецензируемой работы был лишен возможности иметь источником своего исследования архивные материалы, касающиеся корейцев СССР.

В структуру работы, состоящей из 6 разделов, положен проблемный принцип, и каждый раздел имеет не только известную самостоятельность, но и способствует пониманию другого.

Первый раздел книги, посвященный изучению истории переселения корейцев, представляет собой эмпирическое обобщение материалов советских корееведов в более широком предметно-хронологическом диапазоне. В нем подробно описывается история корейской иммиграции из Кореи на русский Дальний Восток, правовое и социально-экономическое положение переселенцев, участие корейцев в установлении Советской власти на Дальнем Востоке, партизанском движении и анти-японской освободительной борьбе. Раздел завершают главы, посвященные рассмотрению комплекса проблем по насильственному массовому переселению корейцев в 1937 г. из Дальневосточного региона в Среднюю Азию и Казахстан. При этом предпринята первая и в целом плодотворная попытка показать внутренние и внешнеполитические обстоятельства, при которых Сталин дал указание о переселении «неблагонадежного народа», приводятся некоторые данные о своеобразии и направленности транспортировки, численности переселенцев, а также о людских потерях этого акта сталинского режима. Наш анализ архивных материалов Переселенческого отдела Совнаркома